

БЫТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

БУТТЯ СУЧАСНОЇ ФІЛОСОФІЇ

THE MODERN PHILOSOPHY'S BEING

В статье в образно-метафорической форме даётся ценностная рефлексия современного состояния философии. Отталкиваясь от постмодерных поисков форм и способов философствования автор статьи определяет основной вопрос философии в смысловопрошании.

Ключевые слова: бытие философии, постмодерн, смыслополагание

В статті в образно-метафоричній формі надано ціннісна рефлексія сучасного буття філософії. Відштовхуючись від постмодерних пошуків форм та засобів філософування, автор статті визначає основне питання філософії у смислозапитах.

Ключові слова: буття філософії, постмодерн, смислопокладання

This paper gives an explanation of contemporary condition of philosophy through the prism of its valuable reflection in the image and metaphorical form. Author defines the basic question of philosophy as a meaning-questioning owing to postmodernism's searching of the forms and modes of philosophizing.

Keywords: being of philosophy, postmodernism, sense-supposition

Что есть бытие современной философии, без теоретических прикрас и пафосного лукавства? Возможно, его основы в бытийственности или даже быту, в котором проживаются смыслы всего происходящего.

Философский быт – грязная кухня с налётом академической пыли и, не вписывающимися в современный дизайн минимализма, поликонструкциями вопиющего беспорядка постмодерна.

Философский быт – замусоленный обыденностью, усыпленный ум философа и концептуальная неудовлетворённость обесцениванием вечных истин в обывательском хаосе информации.

Философский быт – манипуляция общественным сознанием и манифестация ложного в одеждах истинного под прикрытием гламурной элитарности и кричащей эпатажности, подобно крику немому в толпе глухих.

Философский быт – тщательно скрываема́я безнаде́жность, скромно прикрытая иллюзией корпоративной избранности.

Философский быт, как и всякий быт – это нечто интимное, скрытое, глубинное без чего ни бытийственность, ни тем более бытие не осуществится, вынося на поверхность вымученное, выстраданное, переболевшее и уже кристаллизованное в гранях сверкающей истины идейных прозрений, интуитивных откровений и укоренившихся, словно первозданное естество, чувствований глубины реальности.

Бытийственность современной философии называют постмодерном, постнеклассическим периодом и наконец, постфилософией. Оказывается, у современной философии нет не только будущего, но и настоящего. Ведь настоящее не может быть после. Постмодерн создал философию без субъекта, без истины, без сущности, без реальности. Всё чем была наполнена бытийственность философии в её «акме», постмодерн отнял у неё. Постмодерн как игра в бисер европейских интеллектуалов, наполнил бытийственность философии в XX веке поликонцептуальностью, поливекторностью, в лучшем случае полифоничностью идейной плюральности, которая не может разродиться в новое качество, оставаясь в вечном бремени множественной несбыточности.

Если философия XX века, в лице М. Хайдеггера, в состоянии протопостмодерна зада́ла тон отказу от классичности, как преодоление классической метафизики в виде перехода от сущего к бытию. То постмодерн в слепом безумии подарил философской бытийственности цепь поворотов, ведущих иногда в глухой угол философской пустоты. Это и лингвистический поворот от понятия к языку, и антропологический поворот от Я («самости») к телу, и структуралистский поворот от субъекта к структуре, и экзистенциальный поворот от единства самосознания к единству человеческого бытия, и коммуникативный поворот от целерационального действия к акту коммуникации, и герменевтический поворот от значения к смыслу.... А что «там, за поворотом»... «новый поворот»? В этом разноверсийном самосвершении бытийственности философии, ожидаемым представляется, новый онтологический поворот, но какова же его природа?

Что мы можем вспомнить между классикой и неклассикой, модерном и постмодерном? Воспоминание – удел старости? Но как же молод восхитительный Платон с его знанием как воспоминанием! Переосмысление, осмысление – потенциал будущего. Но есть ли оно у современной философии? Подобно августиновскому времени, философия есть только в настоящем, где стягивается и воспоминание классики и постнеклассические надежды. Только в бытийственности настоящего, классика становится современностью, оставив позади устоявшуюся системность и косность отжитых концептов. И только в

настоящем бытийственности философии актуализируется авангард, подрывая академические устои смысловыми абсурдами и концептуальными провокациями.

Философия сегодня живёт своим автономным, обособленным бытием. Причём, бытием достаточно инертным, сонным, мало кому известным, не только в среде обывателей, но и в среде образованных людей. В таком сонном состоянии она перестала быть кому-либо интересной. Такой себе философский сон философии. Сон как игра. Игра как норма философствования, становится философской лудоманией, в виде зависимости, для которой характерны частые повторные эпизоды, через стереотипы мышления. Такая зависимость есть фактором игрового начала, в преодолении которого и лежит возможность определения границы возможного. Сценическая жизнь иллюзорна и позволяет отодвинуть глубинные вопросы о смыслополагании на потом, когда разойдется зритель. Но тут вскрывается феномен матрёшки, виртуальной бесконечности: выйдя из одного сценария, философия, невольно оказывается персонажем другого спектакля. Иллюзия игры не оканчивается. Будто бы во сне ты видишь сон, в котором ты спишь и тебе снится сон, что ты спишь и так до бесконечности. Опасность заключается в том, что невозможно определить: ты проснулся или тебе только снится, что ты проснулся. Да и вообще, нужно ли просыпаться? Возможно истинное там, во сне, а в бодрствовании только фрагмент иллюзии. Жизнь там, где царствует дух и отсутствует несвобода. Свобода, зажата рамками должного, правильного, нужного, которые уводят от целостного, далека от истинной жизни. Отсутствие истины порождает необходимость игры в философию. Тогда уже трудно определить, где явь и где сон? Всё обусловлено игрой или иллюзией игры и истинное, сущностное, абсолютное уже так далеко, что и не стоит о нём грезить, ведь ты во сне, который тебя заботливо убаюкивает и защищает от истины.

Мир захлебнулся в современных информационных технологиях, глобальном проявлении агрессивности как нормы выживания, инстинктивно-низменной телесности и царстве «золотого тельца». А философия, демонстративно отгородившись от всего, что ниже её достоинства, продала себя на поприще политтехнологий. Нельзя не согласиться с Гегелем. «Философия – эпоха схваченная в мыслях». Философия всегда была квинтэссенцией времени и при этом служила выражением его идейной доминанты. Была царицей и при этом служила. Сначала религии, потом науке, в некоторых тоталитарных системах – идеологии, а сейчас – политике. Продвинутая, но при этом конъюнктурная часть интеллектуалов переместилась поближе туда, где истинный философ не выживет – к кормушке, к власти, уже не свершая никаких поворотов, а просто создавая информационные шумы, коммуникативные имитации, ласкающие слух, тех, кто слушает, но не слышит.

В этой связи, показательно для современной бытийственности, активизация «потребления» философии на широких просторах публичных трибун, политических состязаний, прагматичного бизнеса и даже обывательской повседневности (к примеру, «философия комфорта» выступает брендом строительной компании, тезис «философия красоты» «одухотворяет» работу парикмахерского салона, приходилось встречать даже термин «метафизика футбола» и т.д.). Что это? Жажда философствования или последняя агония растратившей себя «царицы наук».

Но, слава Богу! Появилась тоска по классике, по академической философии в её классических одеяниях и если бы не эта тоска, философская бытийственность скатилась бы до быта, растворившись в безрадостной безнадёжности туманного утра, когда уже и вспомнить нечего. Не то что «время былое и лица давно позабытые», но и способность помнить вспомнить уже не удастся.

Пока не наступила философская амнезия, вспомним, что классическая философия учит, что мыслить можно мыслимое, а неммыслимое мылить нельзя. Фундаментальный постулат философской классики – «тождество бытия и мышления». Но сегодняшнее бытие философии, после всех перипетий неклассики и постнеклассики уже не может существовать в рамках этой системы. Сегодня философия ищет то, что не позволяет системе стать системой. Философия – это всегда поиск. Поиск предела возможного, который в невозможном. ***Оказывается – вот задача философии – сделать невозможное мыслимым, расширив границы возможного.***

В развитии общества всегда возникают эпохи, когда ранее сложившиеся ориентиры, выраженные системой универсалий культуры, перестают обеспечивать воспроизводство и сцепление необходимых обществу видов деятельности. Тогда возникает разрыв традиций и формируются потребности в поиске новых мировоззренческих смыслов. В этом плане Шопенгауэр принадлежит будущему, а Гегель – прошлому, хотя пространственно-временные условия их мышления совпадают. Гегель завершает систематизацию отработанных знаний, а Шопенгауэр подрывает границы этой системности, открывая новые вехи бытия философии. Фома Аквинский систематизирует схоластическую метафизику. Мастер Экхарт, будучи первоначально классическим схоластом, раздвигает границы теологии до протопротестанских концептов и предвосхищает идеи неклассической философии.

Сознание всегда шире, чем мы можем его выразить, а, следовательно, философия всегда шире, чем она себя манифестирует в бытийственности. При этом всё, что мы не можем выразить, уже не философия, вернее всё что угодно, но только не философия. Но! Говоря о мышлении, мы подразумеваем обретение, открытие чего-то нового. Старое, известное, системно

организованное уже нельзя помыслить, оно уже однажды было помыслимо, то есть открыто как нечто новое. Его можно только знать. А вот бытие? Может ли оно быть новым? Где источник нового бытия в вечно свершающейся бесконечности Абсолюта? Есть только степень нашего незнания о бытии, которое в своих возможных беспределах неисчерпаемо. Следовательно, классическое «тождество бытия и мышления» в современном рождении мыслимого из немислимого, возможного из невозможного, ума из безумия, терпит фиаско.

Оказывается безумие, в разнообразии разумных экспликаций – истинное бытие философии. Философия приходит в мир, подобно рождению порядка из хаоса, бытия из небытия. Нечто глубоко интимное, таинственное, сокровенное и вечно притягательное своей неохватной полнотой является истинной родиной философской природы, тайно стремящейся к трансцендированию, кардинальному выходу за границы не только разумной системности, отрезвляющей пьянящий импульс творческих вакханалий, но и всего немислимого. При этом ни крайности иррационального, ни туман интуитивных прозрений не возвращают на родину «царицу наук», ибо её царство – человек! А человек – явление неисчерпаемое в своих смыслообразующих осуществлениях. Человек мыслящий, чувствующий, волящий, интуирующий и при этом человек целостный, трансцендирующий фрагментарную множественность к имманентной глубине внутреннего Я.

Не случайно Н. Бердяев считает, что философия «раскрывается только в человеке, из человека и через человека» [1, 117], а К. Ясперс уверен, что «там, где пробуждается человек, пробуждается философия» [2, 68]. Мне кажется, мы на пороге философского пробуждения, а с ним и человека. Человека, который надев очки культурных манифестаций, защищающих его от ожогов «абсолютной истины», готов сегодня сменить оптику различения или деления на ракурс целостности, в котором происходит самоактуализация истинного Я, творящего новые реальности.

В этой реальности всё большая неустроенность философского бытия порождает междисциплинарную бытийственность философии, которая будет служить теперь уже только себе самой. Истинным бытием которой, станет допущение ожидаемой онтологической голономности, голографической системности и ценностной доминанты в мучительных *поисках смысла как единственного вопроса философии*.

Сегодня одних раздражают слова духовность, мистика, феномен, эзотерика. Другие, захлебнувшись в океане немислимого, утратили мыслимую разумность самоценности человеческой сути. На этом распутье, где крайности лишь уводят от истины, философия, находясь в почтенном возрасте, имея за плечами богатый опыт, обладает всеми шансами приблизиться к той мудрости,

которую полюбила ещё с античной колыбели, но, до сих пор не догадывается что же это. Все рациональные потуги обозначить её логико-теоретические границы или иррационально схватить хвост уносящейся в небытие кометы мудрости – бессмысленны. Да и само утверждение смысла – смертельно для бытия философии. Лишь вечное вопрошание о смысле в самых глубинах бытия философии – откликается эхом абсолютной свободы в царстве чистого духа, в преддверии которого будет всегда стоять, но никогда не решится войти, её величество философия. При этом манящая мудрость вечно призывает своё философское отражение сохранить зеркальную ясность.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа [Текст] // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого / Н.А. Бердяев. – М.: Фолио, 2003. – С. 15-340.
2. Ясперс К. Всемирная история философии [Текст] / К. Ясперс. – СПб: Наука, 2000. – 272 с.